

В мире Рубцова

БАРАКОВ В. Н.

Н. РУБЦОВ И В. БЕЛОВ: ТВОРЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

Творчество Н. Рубцова 1960-х годов ближе всего к прозе В. Белова. И дело не столько в том, что оба художника жили в это время рядом, часто встречались и дружили. И не в том, конечно, что программное стихотворение Рубцова «Тихая моя родина», посвященное Василию Белову, возникло не без влияния его прозы: «Тихая моя родина, ты все так же не даешь мне стареть и врачуешь душу своей земной тишиной!» (Рассказ «На родине»). Типологическое сходство — в общем для обоих художников «чувстве земли». Поэтому так поражает общность символов в их произведениях (дорога, хлеб и т. д.). Так, беловский Иван Африканович говорил: «Ежели и верно пойдешь, — все равно тебе без хлеба не выбраться» («Привычное дело»).

Тут же на память приходят рубцовские строки: «Хлеб, родимый, сам себя несет...» Любимое присловье Ивана Африкановича: «Дело привычное!» Слова Рубцова: «Ну что ж? Моя грустная лира, Я тоже простой человек...» — из того же ряда.

Общим для Н. Рубцова и В. Белова стало и обращение к разговорной речи крестьянства, к фольклору. Поразительно, что объектами их внимания становятся зачастую одни и те же «действующие лица». В стихотворении «Воробей» Н. Рубцов переживает горе воробья как свое собственное, и в его словах слышится неподдельное удивление и восхищение природной гармонией, в которой нет зла в человеческом его понимании:

*Чуть живой. Не чирикает даже.
Замерзает совсем воробей.
Как заметит подводу с поклажей,
Из-под крыши бросается к ней!
И дрожит он над зернышком бедным,
И летит к чердаку своему.
А гляди, не становится вредным
оттого, что так трудно ему...*

Вот и Иван Африканович, словно подобрав рубцовского воробья, говорит ему: «Живи ты, парень?.. Жив, прохиндей... Сиди, енвалид. Отогревайся в даровом тепле... Тоже жить-то охота, никуда не девашься. Дело привычное. Жись. Везде жись. Под перьями жись, под фуфайкой жись...» («Привычное дело»).

У Н. Рубцова и В. Белова — единое мировосприятие, одинаковое отношение к природе и человеку, они проповедовали одни и те же национальные идеалы добра и красоты. И беспокоила их одна и та же проблема: противоречие между цивилизацией и культурой.

Думается, что, отталкиваясь от данных фактов, необходимо посмотреть на проблему шире.

Н. Рубцов и В. Белов как ведущие авторы традиционного («почвенного») направления в русской литературе, представленного «тихой» лирикой и «деревенской» прозой, сумели

передать в своих произведениях мироощущение той части народа (бывших крестьян, рабочих, интеллигентов первого, второго поколений), которая «оторвалась от деревни, но не пришла к городу». Они увидели здесь не просто издержки урбанизации, но продолжение трагического процесса «раскрестьянивания», теперь уже на новом его этапе.

Сквозные темы у Н. Рубцова и В. Белова — темы земли и России. Общий мотив «умирания» деревни, периодическое «возвращение» в нее, чувство вины перед покинутой «родной стороной» (здесь — корни противоречивости и даже раздвоенности характера героя), единое «чувство земли», кровная, «смертная» связь с ней — соединяются с мотивами опустошенного дома и храма как символов разрушенной России.

Стремление «соединиться с народной почвой» (Ф. Достоевский) проявилось в виде протеста против отчуждения — как реакция на маргинализацию крестьянства (более того — большинства народа) в России. Все это явилось следствием общемирового процесса развития цивилизации. «Почвенники», в том числе Н. Рубцов и В. Белов, стремились сохранить особый тип мышления и культуры со своей системой ценностей.

Это, во-первых, отношение к любви, к семье как к тайне и как к таинству. Может быть, здесь наблюдаются отголоски православной традиции, в которой наиважнейшей ценностью в земной жизни является семья. Исключительная фигура в этом ряду — мать. Образ матери — один из центральных и эмоционально напряженных во всей «тихой» лирике и «деревенской» прозе, напрямую связанный с мотивом сиротства.

Во-вторых, пейзажи у «почвенников» — это единство образов русской природы, внешнего и внутреннего состояния души.

В-третьих, использование «эзопова» языка, в частности, богатых в этом отношении индиксателных возможностей образной символики.

В-четвертых, «почвенники» одними из первых обратились к православным ценностям. Пытаясь воспроизвести народное мировосприятие, они, естественно, включали в него и фрагменты христианского мировидения.

Отдельно надо сказать о «вологодской школе» в русской литературе, гордостью которой стали Н. Рубцов и В. Белов. Вологодская школа была и остается генетически связанной с «деревенской» прозой и «тихой» лирикой, причем она внесла чуть ли не самый значительный вклад в эти направления русской литературы. Известно, что не все писатели принимают данные термины. Против понятия «деревенская» лирика выступал Николай Рубцов; Василий Белов не присмлет термины «деревенская проза» и «вологодская литературная школа». Но, независимо от наших желаний и предпочтений, эти определения «устоялись» и в критике и в литературоведении.

ИЗ РУБЦОВСКОГО АРХИВА...

Вот уже какой день по вечерам рассматриваю, изучаю новые материалы, которые недавно пополнили мой Рубцовский архив. Даже пальцы подрагивают от волнения. Только настоящий собиратель знает, что это такое! Не буду говорить, где я их приобрёл, это не принято среди коллекционеров. Материалы эти подлинные и получены они мной честно. Интересно ещё то, что они не были нигде опубликованы. С некоторыми из них я хочу познакомить читателей альманаха. Сначала я хочу рассказать о записках. Приходил к поэту разный люд — друзья, знакомые. Не застав хозяина дома, писали на любом клочке бумаги, который подвернулся под руку, послания. Оставляли их в дверной ручке или подсовывали под дверь. Николай Рубцов не выбрасывал их, а складывал в письменный стол и хранил. Спасибо ему за это, а то мы бы их сегодня не читали. А это ведь свидетели того времени, интереснейшие мгновения короткой жизни поэта.

Вот на листике из блокнота чёрными чернилами написано (автор видимо торопился):
Коля! Я приду к тебе после обеда. Сейчас уехал по делам. Привет. Сергей.
7-00 утра.